

Леся Данич

Пятый

«Автор»

2026

Данич Л.

Пятый / Л. Данич — «Автор», 2026

Что если бы получили однажды посылку, способную изменить вашу жизнь?
Были ли в ней ошибки, за которые стыдно до сих пор? Или ваша жизнь
достойна того, чтобы оставить всё, как есть? Обычный деревенский почтальон
смог ответить себе на этот вопрос.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Леся Данич

Пятый

Глава 1

Степаныч уже закрывал засов на воротах в ночь, — всё-таки крайний дом в деревне, — когда услышал:

— Ко-оля!

То была Зинаида, фельдшер на пенсии. Её двор на три дома выше.

Соседка совсем запыхалась. Схватила за сердце, вытерла сбившимся платком лоб, зажмурилась, и с перебоями спросила:

— Ты... Зорьку мою, поганку окаянную... не видел?

Степаныч покачал головой:

— Сам только воротился.

— Чавой стряслось? — принялась поправлять платок женщина. — Или так работы накидали?

Старик потербил нос и в сторону буркнул:

— Ноги не бегут.

Зинаида, которой впору было бы добавить «Никитична», да кто про это в деревне помнит, открыла рот, чтобы что-то сказать, но лишь махнула рукой. Вперевалку поковыляла прочь, выглядывая сбежавшую корову.

Когда из-за палисадника осталась видна лишь голова, крутанула её на соседа и хмуро, как это принято у деревенских баб, выложила:

— На пенсию тебе пора, Николай. А ты всё бежишь, да бежишь.

— А сама-то, — проворчал себе под нос Степаныч, но так чтоб не слышала. В дискуссии вступать ему не хотелось.

С одной стороны, Зинка права. Николаю Степановичу осенью стукнуло уже 68 лет. Из них больше половины — он деревенский почтальон. Так уж вышло. И в этой работе были свои плюсы.

Пока был помоложе, то всё казалось, будто он гуляет, так сказать, для «моциона». Вычитал как-то в журнале это слово. Приглянулось. Не упускал случая вернуть его в разговор. Люди в ответ кивали, и ему это было приятно.

С годами работа стала единственной нитью, связывающей с односельчанами. Оно ведь как: ко всем зайдёт, у всех всё разузнает, обсудит новости, а к нему уж никто и не идёт. А зачем? Виделись ведь.

У людей семьи, скотина на худой конец. А ему и козу не завести: ещё ночь не ушла, а он уж идёт в соседнее село за четыре километра получать доставку. Как воротится, то только до кровати сил хватает дойти.

Вот и остался Степаныч один: в люди хож, да сам негож.

Зайдя на кухню, старик достал с печи кастрюлю с холодной картошкой. С сумки вытащил сельдь, которую удачно купил у Наташки в «Погребке». Она хоть и молодая, да вертлявая, а чем-то почтальон ей приглянулся.

Всякий раз она при виде его начинает чирикать, как тот воробей, подмигивает и тащит что повкуснее, да посвежее.

— Я вроде, Натаха, тебе любовных писем не ношу, да и категория у меня нежениховская. Чего это ты меня откармливаешь? — смеётся он беззубо.

А она, точно поддразнивая, напевает:

— А ты мне нравишься, нравишься, нравишься...

Что тут с девкой сделаешь? Так они и флиртуют уж несколько лет: и ему, и ей весело.

А селедка хороша оказалась! Дед аж крякнул, как с газетки, где он её распотрошил, запах пошёл.

— Жаль, картоха холодная. Ну да ладно. Сейчас мы её компенсируем — и достал зелёный шкалик.

В тот момент, когда Степаныч вдоволь налюбовался получившимся натюрмортом, и собрался уже трапезничать, за дверью раздался стук.

Он прислушался. Тишина.

Махнул рукой и потянул руку к рыбе.

Снова стук. И ещё погромче.

— Кого лешак принёс? — зашевелился дед. — Вроде запер ворота, или уж из ума выжил?

Степаныч вышел в сени. Уют тёплой кухни сразу же исчез. Половица скрипнула, уставшее колено ей поддакнуло.

— О-ох! — пожаловался старик. — Зинка, ты, что ль? Сама бы зашла уж.

Дверь распахнулась. За ней никого.

Дед молча пожевал на дёснах проклятие. Совсем уж было повернул назад, как вдруг взгляд упал на самый краешек крылечка.

Ящик. Фанерный. Со штапиком на рёбрах.

— Чевой-то? — растерялся Степаныч.

Таких посылок он уж лет двадцать как не видел. Да и некому его одаривать отправлениями. И вообще.

— Я же задвинул засов, — ступил он с крылечка. — Точно помню.

Железный палец и впрямь был задвинут до упора.

Дед нахмурился. Не хватало ещё, чтоб с огорода начали лазить, или через забор перепрыгивать. Он с пристрастием осмотрел двор. Никаких признаков чужаков не было.

Как поступить с ящиком?

Сверху что-то было написано, но без очков Степаныч не видел. Пришлось взять посылку и тащить в дом.

В кухне с тоской посмотрел на стол — ужин откладывался.

За много лет он ни разу не получал посылок. Письма от всяких администраций и налоговых были. Да разве это почта? Так, прочитать, да выбросить. А тут...

В толстых стёклах старик разглядел:

«Дёмину Николаю Степановичу.

№5

Не бросать!!!»

Ошибки быть не могло, другого жителя в деревне с таким именем не было. Хотя однофамильцев и Николаев, и Степановичей хватало. Но чтоб вот так, тут уж увольте, он такой один.

На ящике не было ни почтовых штампов, ни отметок почты. Что делать?

Старик пожевал очковую дужку раздумывая:

«Может, кто-то не свою посылку получил, а теперь решил вернуть? Тогда почему сам не отдал? Да и не примут теперь такой ящик».

— Беда, — вслух сказал Степаныч. — Придётся мне тебя вскрывать. Ежели какая оказия, скажу, что увидел своё имя, да и запутался.

Взял со стола нож, поддел крышку. Она на удивление легко отошла. Гвоздики были маленькие.

— Совсем ненадёжно скрепили, балбесы, — посетовал дед на неизвестного отправителя. Заглянул под угол. Темно, ничего не видать. Поддел рукой, да и оттянул крышку прочь.

— Тудыть-растудыть! — вырвалось у Степаныча. И было отчего.

В ящике сидел кот. Серый, с чёрными полосками, белым пятном на подбородке, будто макнул морду в сметану. Из ушей торчат завитки, усы длинные во всю ширину коробки.

Кот словно и не очень-то расстроился, что столько времени провёл заключённым в ящике. Глазищи медленно открыл, жёлтые-прежёлтые, Степаныча справа-налево, сверху-вниз оглядел и только потом поднялся и потянулся, выгнув спину колесом.

— Здравствуйте, пожалуйста! — не поверил дед своим глазам. — Ты кто?

Кот наградил получателя посылки самым скверным взглядом, мол, читать, что ли, не умеешь. Степаныч точно почувствовал это и посмотрел ещё раз на крышку.

— Номер пять, — прочитал старик. — Это ты, что ли?

Кот немного прикрыл веки. Взгляд его сделался почти одобрительным.

— И нашто ты мне?

Кот огляделся, заметил стол с ужином и, вытянув хвост трубой, направился напрямик туда.

От такой наглости дед похмурил:

— А вот это ты зря. Я тебя в гости не звал, — заторопился хозяин первым занять своё место.

Кот, однако, и не торопился тащить еду со стола самовольно. Он сел на табурет напротив деда и стал смотреть, как тот ест.

У старого почтальона зубов было только картошку жевать, да мягкую рыбку дёснами мять. Ел он медленно, обдумывая каждый кусок, и как его лучше приновить ко рту.

Нечаянный свидетель его трапезы с каждой минутой отвлекал своим взглядом всё больше. Стыдно стало Степанычу, что не оказал гостеприимства такому воспитанному коту.

— На! — не выдержал он и положил кусок под стол. — Да не вздумай на койку тащить!

Кот с достоинством взял рыбу и, оттащив к печке, принялся жевать. И хоть у кота зубов был полон рот, но жевал он в точности как старик, наклоняя голову и щурясь, отчего хозяину стало весело.

— Любый гость, можно с таким харчи делить, — дед опрокинул в себя стопочку, покраснел и, подперев щёку кулаком, стал смотреть на полосатого гостя.

— И кто ж тебя в ящик-то сунуть решил? — перебирал он в уме всех, кого знал. Зря, конечно. Много людей перебивало в жизни почтальона. — Может, в ящичке другое доньшко имеется, да туда записочка завалилась?

Догадка ударила в голову. Степаныч схватил нож, вскочил — и совсем забыл про кота, что сидел у печки. Как полетел через него! Ножом-то себе руку и разделал по самое не балуй.

— Ох, ёк-макарёк, кровища-то сколько, — увидел Степаныч глубоко рассечённую ладонь. — Ох, нехорошо-то как вышло.

Кот подбежал к деду и ну ластиться. Видно, виновником себя посчитал.

У деда к коту злости нет, сам виноват, но и момент для ласканий совсем неподходящий.

— Кыш! Отстань! — отгоняет он хвостатого. Тот ещё пуще под руку просится.

— Да не виню я тебя, не стыдись! — провёл старик рукой по мохнатой спине. Та аж заискрилась, заплясала под ладонью. Воздух внутри избы вслед за кошачьей шкурой тоже задёргался, заискрился, в ушах что-то щёлкнуло.

И вдруг — хлоп!

Видит Степаныч: опять сидит он за столом, кот у печки облизывается. В руке у деда стопка полнёхонька, а ладонь цела.

— Чавой это? — испугался старик.

Стопку поставил, перекрестился на всякий случай.

Вот нож. Лежит рядом как ни в чём не бывало.

Кот посмотрел на него жёлтыми глазами, мыркнул что-то и ушёл в комнату.

Вот и понимай как хочешь.

— Эй, пятый, я спрашиваю: чего это было? — пошёл следом дед. Он не сомневался, что кот ответ знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.